

— Я... я тебя разочаровала? — с лёгкой грустью спросила Чжао Цзыянь.

Фу Яньцин покачала головой:

— Нет, Аньэр, ты... ты не любишь то место, то положение, и ты его не полюбишь. Это я была слишком эгоистична.

Это обращение «Аньэр» заставило глаза Чжао Цзыянь засиять, и она не смогла скрыть радости:

— Ты признала меня!

Фу Яньцин видела её счастье, столь отличное от прежнего вида, и чувствовала, как сердце её смягчается. С лёгкой досадой она сказала:

— Ты уже всё решила, признаю я тебя или нет, какая разница?

Чжао Цзыянь тихо рассмеялась, но затем, схватившись за грудь, начала сильно кашлять.

Лицо Фу Яньцин изменилось, она поспешно встала, чтобы погладить её по спине, и, едва коснувшись одежды, почувствовала, как сердце сжалось — одежда на ней была уже промокла от пота!

— Что с тобой болит? Почему ты так сильно потеешь?

В её голосе уже невозможно было скрыть тревогу.

Чжао Цзыянь выглядела измождённой, махнула рукой:

— Просто заболела. Давно уже не болела так сильно: то холод, то жар, чувствую себя совсем слабой.

Фу Яньцин поспешно помогла ей лечь в постель:

— Это я виновата, знала, что ты больна, а всё равно говорила с тобой так много.

Сказав это, она подошла к столу, налила воды и помогла Чжао Цзыянь выпить.

— Со мной всё в порядке, я уже принимала лекарства. Посплю — и всё пройдёт.

Фу Яньцин нахмурилась:

— За дверью твои люди?

Чжао Цзыянь кивнула. Увидев, что Фу Яньцин собирается встать, она потянулась и схватила её за руку. Она уже едва держалась, смутно прошептала:

— Не беспокойся, что мне может не понравиться это положение. Если старший брат не справится, я обязательно буду бороться за него. Для меня нет ничего более невыносимого, чем неспособность защитить тех, кто рядом.

«Даже эта мучительная боль когда-нибудь закончится, но потеря будет длиться вечно. Мать, тётушка Му, Фу Яньцин... я могла только смотреть, как они уходят из моей жизни. На этот раз так не должно быть».

Фу Яньцин выслушала это и на мгновение замолчала, затем встала, открыла дверь и тихо постучала.

Женщина в чёрном бесшумно подошла.

— У вашей госпожи жар, принесите тазик с горячей водой.

Женщина кивнула и скрылась.

Когда Фу Яньцин вернулась с водой в спальню, Чжао Цзыянь уже спала, нахмутив брови. Пряди волос на лбу были влажными и беспорядочно прилипли к лицу, делая её слабой и вызывая жалость.

Фу Яньцин тихо позвала её несколько раз, но, не получив ответа, вздохнула. Поскольку Чжао Цзыянь только что сильно вспотела, её тонкая одежда промокла насквозь, и спать в таком виде было бы неудобно. Но, видя её страдания, она не могла заставить себя разбудить её.

Смочив полотенце, она вытерла пот с её лба, затем, немного поколебавшись, решительно протянула руку к завязкам на одежде Чжао Цзыянь.

Без завязок тонкая нижняя одежда больше не могла скрывать молодое тело. Изысканная и плоская талия обнажилась, белоснежные и изящные ключицы, едва заметные изгибы — всё это заставило Фу Яньцин, которая ранее уже видела её полностью, смущённо отвернуться. Её спокойное лицо слегка покраснело.

Опустив глаза, Фу Яньцин быстро вытерла её тело полотенцем, кончики пальцев иногда касались тёплой и нежной кожи, покрытой тонкой испариной, словно касаясь лучшего нефрита. Это впервые за многие годы заставило Фу Яньцин почувствовать неловкость.

Взяв приготовленную чистую одежду, она помогла ей одеться. Чжао Цзыянь спала крепко, и, несмотря на все манипуляции, оставалась неподвижной, что немного успокоило Фу Яньцин. Однако после смены одежды вопросов у неё стало только больше. Чжао Цзыянь действительно не была ранена, кроме старого, не до конца зажившего ранения от меча, даже синяков не было. Но она не верила, что Чжао Цзыянь просто заболела. Её глаза сузились, взгляд упал на руку, которой Чжао Цзыянь всё время прижимала грудь. Когда она переодевала её, та также держалась за одежду в области сердца. Там болело так сильно? Что же сделала с ней Чжао Моцзянь?

Но Чжао Цзыянь явно не хотела говорить об этом, и Фу Яньцин, хотя и беспокоилась, ничего не могла поделать. Видя, что она всё ещё дрожит, она помассировала ей тело, чтобы облегчить состояние, и осторожно передала немного внутренней энергии, чтобы ей стало легче. Просидев с Чжао Цзыянь полночь, она, боясь, что Лоинь и другие будут волноваться, могла только уйти. Увидев в комнате курильницу, она зажгла успокаивающие благовония и тихо ушла.

Когда она вернулась в резиденцию Сюэ, было уже поздно. Лоинь и другие ещё не спали, увидев Фу Яньцин, они облегчённо вздохнули и поспешно спросили:

— Госпожа, с вами всё в порядке?

— Простите, что заставила вас волноваться, со мной всё в порядке. Просто встретила старую знакомую. Уже поздно, идите отдыхать.

— В следующий раз пусть кто-то идёт с вами.

Молчаливый, стоявший рядом, бросил эту фразу и ушёл.

— Хотя госпожа и была не права, Молчаливый слишком холоден, — Лоинь нахмурила нос, недовольно пробормотала.

— Ты же не впервые знаешь её характер, иди спать, — Фу Яньцин слегка улыбнулась.

— Да.

Фу Яньцин сидела в комнате, думая о Чжао Цзыянь, а затем о том, что полученная ею вещь не была настоящим пергаментным свитком. Она потеряла виски. Император Цзин долго не протянет, если не действовать быстро. Учитывая влияние рода Сяо, трон, скорее всего, достанется Чжао Моцзянь.

Однако, думая о характере Императора Цзин, Фу Яньцин прищурилась. Он подозревает не только резиденцию Юго-Западного князя. Если скрытые силы рода Сяо станут известны, Император Цзин, даже если захочет передать трон Чжао Моцзянь, должен будет сначала ослабить род Сяо. Вмешательство родственников императрицы в политику, угрожающее императорской власти, — не единичный случай.

Возможно, сначала нужно заставить их поссориться друг с другом. Глядя на половину свитка в руках, Фу Яньцин слегка улыбнулась. Похоже, Чжао Моцзянь планирует тайно завладеть сокровищем Императора Юна. Что очень кстати.

Проведя ночь в размышлениях, Фу Яньцин примерно составила план. На следующий день, как только она встала, Сюэ Хэн поспешно прибыл во флигель.

— Сяо Цзинь!

Фу Яньцин слегка поклонилась, с лёгкой усмешкой:

— Дядя Сюэ, почему вы так рады? Неужели есть хорошие вести?

Сюэ Хэн широко раскрыл глаза:

— Какие у меня могут быть хорошие вести? Ты снова подшучиваешь над дядей!

Фу Яньцин опустила голову, сдерживая смех, затем услышала, как Сюэ Хэн продолжил:

— Эх, вчера я уже говорил тебе, что в моём доме одни грубые мужики, и тебе здесь будет неудобно, да и в будущем это может создать трудности. Вот я и попросил своего племянника узнать, есть ли в столице хороший дом, и он действительно нашёл отличное место.

— Спасибо, дядя Сюэ. Где же он?

Сюэ Хэн махнул рукой:

— Не стоит благодарности. Это на южной улице столицы, место очень хорошее. Раньше это была резиденция богатого купца по фамилии Сюань. Он как раз срочно уезжает из столицы, поэтому и продал её. Многие знатные люди императорского двора живут поблизости, так что наблюдать за некоторыми вещами будет удобно.

Фу Яньцин кивнула:

— Это очень хорошо.

Южная улица? Кажется, Чжао Цзыянь живёт там.

Сюэ Хэн, хотя и выглядел простоватым, на самом деле был очень внимательным. Этот дом, вероятно, был выбран им с особой тщательностью.

Сюэ Хэн сделал паузу, затем тихо сказал:

— И ещё одна вещь, которая тебе точно понравится!

Фу Яньцин, видя, что он загадочно улыбается, подняла бровь:

— О, что же это?

— Ты же говорила, что высоко ценишь ту принцессу? Недавно ей был пожалован дом, и он находится прямо по соседству!

Фу Яньцин удивилась. Такое совпадение?

Сюэ Хэн, увидев её выражение лица, широко улыбнулся:

— В будущем, если у вас что-то будет, вы сможете встречаться по ночам, незаметно для всех. Разве не прекрасно?

Фу Яньцин слегка скривила губы. Действительно, очень удобно. Она ведь только вчера тайно навещала её. Но что-то в словах Сюэ Хэна казалось ей странным. Что он имел в виду под «если у вас что-то будет»?

— Когда можно будет переехать?

— Они уезжают в спешке, и, учитывая дальний путь, мебель и другие вещи уже на месте. Остальное, что тебе нужно, я попрошу моего племянника подготовить. Если хочешь, можешь переехать сегодня.

— Хорошо. Иначе здесь могут привлечь ненужное внимание, и в будущем возникнут проблемы. Кстати, дядя Сюэ, насчёт вчерашнего, ещё раз спасибо.

Сюэ Хэн покачал головой:

— Не за что. Завтра выходной, я как раз собираюсь обсудить некоторые дела с министром, тогда и узнаю кое-что. Но, Сяо Цзинь, ты и впредь будешь показываться в этом облике?

Сюэ Хэн был немного опечален. Эта девочка с детства была отправлена во дворец. И он, боясь, что император заметит его связь с резиденцией Юго-Западного князя, никогда не смел проявлять чрезмерную заботу, но знал, что ей было нелегко. Теперь же она вынуждена изменить внешность, отказаться от своего статуса и в этом логове тигров и волков бороться за выживание резиденции Юго-Западного князя.